
Л. М. РАВАНДИ-ФАДАИ

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Статья написана после поездки автора в Иран и посвящена выдающемуся иранскому историку д-ру Мохаммеду Ибрагиму Бастани-Паризи. Метод его исследования уникален: через призму одного региона, одной улочки или дома он способен представить историю целой страны, что рождает чувство универсальности в контексте уникальности страны. Благодаря его методу, который иллюстрирует принцип постижения общего через частное, Иран предстает живым воплощением слияния древнего и современного, сосуществования разных миров, столетий и культур.

Ключевые слова: история, Керман, универсальность, слияние древнего и современного.

Иран – уникальная страна, позволяющая человеку соприкоснуться с историей, располагающая к размышлениям о ней – живет и работает как бы параллельно в нескольких временных измерениях. Иранцы используют и солнечный, и лунный календари, а большинство, особенно деловые люди, могут легко перевести даты и в третье измерение – в григорианский календарь. Различные измерения времени легко проследить, проехав в обычном автомобиле за один день через несколько тысячелетий.

Шоссе в южном направлении от Тегерана проходит мимо ядерного объекта в Натанзе, но в конце концов приведет вас к гробнице Великого Кира (Куруша). По этому маршруту вы «проедете» за день от библейских времен до эпохи расщепления атома. Если же отправитесь в противоположную сторону – на северо-запад от Тегерана, – мимо вас проплывут развалины древних крепостей, традиционные рисовые поля и новые кластеры ветровых турбин, производящие «зеленую», экологически чистую энергию. В Иране, одном из крупнейших производителей автомобилей в Азии, чеканщики и плотники каждый день усердно работают вручную над своими произведениями на базарах, а ткацкие станки под стрекот ручных челноков создают любимые во всем мире ковры.

В Международном университете Имама Хомейни в Казвине (на севере Ирана) недавно открылся факультет научного прогнози-

рования и планирования будущего. А на рынках или вблизи традиционных ресторанов вам предложат другой, древний метод прогнозирования будущего. Попугай вытаскивает из коробочки написанные на листочке бумаги стихи великого персидского поэта XIV века Хафиза. Птица аккуратно выбирает клювом маленький конверт, и то, что написано в стихотворении, есть ваше будущее.

Живым воплощением слияния древнего и современного, сосуществования тесно переплетающихся между собой разных миров, столетий и культур, является выдающийся иранский ученый д-р Мохаммед Ибрагим Бастани-Паризи. Хотя в декабре 2012 года ему исполнилось 88 лет, он лишь совсем недавно ушел на пенсию из Тегеранского университета, в котором преподавал с 1958 года.

В 2005 году я принимала участие в конференции, посвященной столетию Конституционной революции в Иране, когда народные протесты привели к созданию первого конституционного правительства в Азии. Конференция проходила в Тегеранском университете. В начале церемонии открытия на сцену был приглашен президент страны Мохаммад Хатами. Раздались бурные аплодисменты, было видно, как все его любят и ценят. Позже объявили еще одного участника конференции – профессора истории Тегеранского университета. И тут зал взорвался от оваций, все встали, я тоже невольно поднялась с места. На сцену вышел, опираясь на палку, высокий, достаточно стройный для своего возраста человек. Это был Бастани-Паризи¹. В тот день я и познакомилась с ним. Когда профессор узнал, что мой отец из Кермана (юго-восточная провинция Ирана), откуда родом и он сам, мы разговорились, и уже вечером я была приглашена к нему домой для продолжения беседы.

Керман – сокровищница древности. Следы динозавров и окаменелостей напоминают об истории Земли до появления человека, а зороастрийский храм огнепоклонников свидетельствует о ранней истории культуры. Но, пожалуй, самое мощное впечатление производит еще один древний памятник в Кермане – вездесущая пустыня, которая породила не только мистиков и философов, но и архитектурные, технологические инновации, распространившиеся по всему Ближнему Востоку и Азии. Это подземные водные каналы (*ghanat*), позволившие жителям пустыни выжить и переступить границы доисторического прошлого; места, поддерживающие хо-

¹ Чаще всего фамилии иранцев указывают или на место, откуда они родом, или на деятельность их предков. Местонахождение Париза – провинция Керман.

лод (*yachchal*), чтобы хранить пищу и лед в течение знойного лета; ветряные башни (*badgir*), ловящие пустынные ветра, что попадают в воронки, благодаря которым ветер опускается вниз для охлаждения жилых помещений и водоемов. В XIII веке Марко Поло остановился в Кермане и в своих заметках описал гениальное устройство *бадгиров* – башен – ловушек ветров.

Во введении к одному из исторических исследований Бастани-Паризи писал, что Керман является голограммой, через которую можно рассматривать всю иранскую историю (Tirgan... 2011). Это утверждение я бы расширила, добавив: «и большую часть человеческой истории». Неоднократно он клялся себе ничего не писать и не участвовать в семинарах, если не может сделать это, не упоминая о Кермане. Учитывая его чувство юмора, можно было бы подумать, что это шутка, но в увесистых монографиях он действительно следует этому принципу. Такой узкий географический фокус, казалось бы, мог серьезно ограничить его как историка, но эффект оказался противоположным: у него сформировалось чувство универсальности.

Паризи опубликовал более 65 монографий, охватывающих поразительно широкий спектр тем (см.: Bastani-Parizi 1945 [2009]; 1963; 1976; 1977; 2011). Вышел также том его стихов (персидский язык – это язык поэзии, и большинство иранцев не только хорошо знают поэзию, но и пишут стихи).

Паризи отработал методологию раскрытия универсальных тем через анализ локальных особенностей. Так, в одной из монографий он описывает персидскую традицию *khanegah*. Это древнее и глубоко укорененное явление в персидской культуре. Его также называют *zavveh* (угол), *gusheh* (тоже угол), *langar* (якорь), *rabat* (гостевой дом) и *pir* (ориентир).

Ханэгах – место остановки для путешественников, которое играло важную социальную и политическую роль в иранском обществе. Тысячу лет назад, когда усталые, истощенные и жаждущие отдыха путники добирались до одного из городов, расположенного на краю иранской пустыни, охватывающей около трети территории страны, они могли рассчитывать на убежище и приятное гостеприимство в *ханэгах* в течение нескольких дней. Здесь люди проводили дни и ночи, но это были не караван-сарай. Здесь совмещали ночевку с суфийскими обрядами, с упражнениями самодисциплины и нравственного очищения. В *ханэгах* молились, но это не были мечети. В городах, где существовали мечети, довольно враждебно

относились к *ханэгах*. Возможно, поэтому они процветали там, где мечетей не было (Trompf, Morteza 1994).

На самом деле это были оазисы религиозной толерантности. Над дверью *ханэгах* шейха Абдуль-Хасана Харагани было написано: «Тому, кто входит в этот дом, будет дан хлеб, не спрашивайте его веры. Ибо тот, кто достоин души, предоставленной Всемогущим, несомненно, является достойным хлеба ол-Хасана». Сравним это с известной фразой святого Бенедикта Нурсийского (480–543): «Всех гостей, которые стучатся в дверь, следует приветствовать, как самого Христа».

Ханэгах были местами убежищ как для рабов, так и для военнопленных. Однажды Тамерлан, возвращавшийся из военного похода с 30 тыс. пленных, в числе которых были женщины и дети, остановился у *ханэгах* в иранском городе Ардебиле. Он пожелал встретиться с известным религиозным деятелем, называемым *шейхом*. Глубоко религиозный человек был внуком строителя этого *ханэгах*. По словам Паризи, встречи между правителями и духовными деятелями часто организовывались для того, чтобы повысить репутацию правителя. Однако шейх не принял тирана так, как полагается принять гостя – с благоговением и восхищением. Тамерлан спросил, почему шейх им пренебрегает. Шейх ответил: «Потому что ваши пленные являются моими последователями и друзьями, и они должны быть освобождены». Приняв компромиссное решение, Тамерлан сказал: «Столько, сколько может поместиться в этот *ханэгах*, будут освобождены ради тебя». И тогда хозяин пошел на хитрость. В дополнение к основным воротам в *ханэгах* была потайная дверь. Ворота были открыты для входа пленных, они и входили в них, а выходили из потайной двери. Таким образом все пленные оказались на свободе...

Этот *ханэгах* и сегодня сохранился в городе Ардебиль. Легенда гласит, что шейх освободил заключенных, которые основали великую персидскую династию Сефевидов. Как сказал Паризи, «я бы хотел, чтобы несколько таких *ханэгах* существовали во время и после войны между Ираном и Ираком, ведь тогда с обеих сторон могло бы быть от 30 до 40 тыс. освобожденных военнопленных». Везде, где происходят региональные конфликты, нужны такие *ханэгах* (*Ibid.*: 76–77).

Первая книга доктора Паризи «Пророк воров», где рассказывается о детстве автора, была опубликована в 1945 году. Она уже выдержала 20 изданий и является одним из самых известных истори-

ческих трудов, изданных в XX веке в Иране. Как всегда, ее предмет связан с провинцией Керман.

В 1931 году Паризи в первый раз пошел в школу. «Наша школа находилась в доме на южной стороне реки Париз, на холме над рекой. Он был известен как дом Шейха Мохаммеда Хасана. Я все еще вижу большой каменный фундамент, который был на метр выше, чем двор, и большие комнаты в западной стороне здания. Я изучал азбуку в этом доме, но только двумя годами позже узнал, что школа была на самом деле домом “Пророка воров” (он же шейх Мохаммед Хасан). Случилось так, что один высокорослый школьник, который учился в четвертом классе со мной, довольно самоуверенный и уже признанный лидер класса, стал называть себя “рожденным пророком”. Фраза “рожденный пророком” зародила в наших детских умах мысль, что, возможно, этот мальчик был действительно родственником какого-то пророка, а может быть, даже его прямым потомком.

Позже я узнал, что его отец, шейх Джалал, был сыном шейха Хоссейна Али и внуком шейха Мохаммеда Хасана, который и считался “пророком воров”. Сегодня я понимаю, что, возможно, по завещанию Великой души такого духовного человека было предназначено, чтобы я научился читать и писать в его бывшем доме, а затем уроки по грамматике стали моим языком, и через тринадцать лет после того как я пошел в школу, я стал собирать письма и жизнеописания этого странного пророка для моей первой книги, чтобы привлечь “непросвещенных” к его жизни» (Bastani-Parizi 1945 [2009]: 49–50).

«Пророк воров» – книга о замечательной личности, персидском «Робин Гуде разума», шейхе Мохаммеде Хасане (1824–1883), *ахунде* (звание мусульманского ученого) и мулле, получившим свое прозвище за то, что защищал бедных и угнетенных. Но его яркая личность и деяния – лишь часть книги, которая подробно описывает первые ростки современного демократического движения за гражданские права в Кермане и в Иране в целом.

«Пророк» был не только борцом за социальное равенство: он был поэтом, человеком глубокой мудрости и культуры, который оставил красноречивую социально-политическую сатиру на свое время – «Пророк Медины». Кроме того, он обладал красивым почерком, образцы которого украшают страницы книги доктора Паризи. В «Пророке воров» наряду с академической частью представлены архивные исследования, фотографии, письма и документы,

дополняющиеся образцами поэзии самого «пророка» и его каллиграфическими рукописными текстами, которые встречаются на протяжении всей книги как музыкальные интерлюдии. В отдельной главе раскрывается чувство юмора религиозного человека. Как говорит доктор Паризи, он любит добавлять в историю «молоко и сахар».

И теперь, после семилетнего перерыва, я опять попала к нему домой. Дом профессора находится на севере Тегерана, в районе с красивыми небольшими особняками. Пройдя через знакомый сад, я сразу увидела большой зал, похожий на библиотеку, где от пола до потолка со всех сторон нас приветствовали книги. Паризи заварил великолепный чай с горными лютиками и угощал нас традиционными керманскими сладостями.

По его мнению, человек ответствен за свою историческую память, и она становится возможной благодаря наследию языка и культуры. Он учил грамматику и язык в доме «Пророка воров» и затем использовал эти знания для сохранения памяти о бывшем владельце дома и о времени, в котором он жил. Сфокусировав внимание на отдельном регионе, Паризи, казалось бы, ограничивает свою работу историка, но вместо этого она порождает чувство универсальности. Шекспировский Гамлет говорил: «Я мог бы быть ограничен в словах, и считать себя королем бесконечного пространства». Это похоже на биорегиональное движение. Ген содержит информацию об организме в целом, отдельные атомы несут в себе историю всей Вселенной. Персидский поэт XIII века Руми писал:

Az-Jamadi mordam-o nami shodam –
 Ya ze-nami mordam heyvān be heyvan sar zadam
 mordam heyvāni-ya Ādam shodam –
 pas che tarsam? Ke ze-mordan kam shodam? (Rumi... 2010)
 (Умер – перестал быть камнем и стал растением,
 Умер – перестал быть растением и перебрался в животное,
 Умер – перестал быть животным и стал человеком.
 Так чего мне бояться? Разве я из-за умирания уменьшился?)

Хотя язык Руми метафоричен, все же стоит отметить, что это было сказано за столетия до естественно-научной теории вещественно-энергетического круговорота. В том же стихотворении Руми говорит, что он в конечном итоге превращается в «то, что невозможно себе представить» (*Anche andar vahm nāyad shavam*). Это

загадочное «нечто», к чему мы движемся, и есть именно то, что пытаются понять исследователи факультета прогнозирования будущего в Международном университете имени Имама Хомейни.

Пока мы общались с доктором Паризи, солнце зашло, и сад погрузился в темноту. Мы с неохотой стали прощаться. Как положено в Иране, прощание сопровождается обменом поэтическими выражениями уважения и благодарности, каждая из сторон горячо настаивает, что она причинила неудобства и беспокойства другим, и все называют себя «смиренными слугами». На подоконнике все так же стоял сложный, большой, запутанный конструктор – «миниатюрные горки» в виде головоломки, и на вопрос, что это, Паризи стал демонстрировать метафору жизни и истории людей. В его руках были шарики, и никто не мог предсказать движение каждого из них. Некоторые срывались с самого начала и улетали в пропасть, другие могли преодолеть препятствия и дойти до конца: у этих шариков было множество дорог и много разных возможностей. Некоторые замедляли ход перед тем, как провалиться в пропасть. «Это выход на пенсию», – улыбаясь, разъяснил нам профессор. Затем шарик проваливается в отверстие – «это могила и перевоплощение» на склоне жизни.

За день до отъезда из Ирана мы зашли на книжный базар на улице *Енгелаб* (Революции), изобилующей небольшими магазинами, чтобы запастись книгами. Попались на глаза толкования Священного Корана и коллекции средневековых персидских поэтов, перевод на фарси «Краткой истории времени» С. Хокинга и книга для детей «Джордж и тайны Вселенной», написанной Люси Хокинг вместе с ее отцом Стивенем.

Вероятно, в Оксфорде, где Хокинг родился и учился физике, другая книга о звездах и Вселенной – в переводе с фарси – заставила его когда-то погрузиться в глубокое раздумье. *Tabulae longitudinis et latitudinis Stellarum fixarum ex observatione Ulugbeighi* (Координаты звезд по наблюдениям Улугбека), звездный каталог 1665 года, первоначально был опубликован в 1437 году под названием *Zij-e Soltani* (Королевская астрономическая Таблица). Это был самый значительный прогресс в астрономических наблюдениях с тех пор, как греческий астроном Птолемей во II веке н. э. рассчитал наклон оси Земли. Автор «Королевской астрономической Таблицы» был астрономом, математиком и правителем по имени Улугбек из персидского города Султанийе на севере Ирана. Он по-

строил свою собственную обсерваторию и университет в Самарканде (в сегодняшнем Узбекистане) за сотни лет до того, как нечто сопоставимое появилось в Англии.

Диалог между Востоком и Западом, прошлым и настоящим продолжается...

Литература

Руми, Дж. М. 2010. *Поэма о скрытом смысле*. СПб.: Петербургское востоковедение.

Bastani-Parizi, M. E.

1945 (2009). *Reqambar-e dozdān* Tehran (Iran) Nashr-e elm. (Бастани Паризи, “Пророк воров”).

1963. *Khatune haft ghal’e* Tehran (Iran) Nashr-e elm. (Бастани Паризи, “Владычица Семи замков”).

1976. *Kucheye haft pich*. Tehran (Iran) Nashr-e elm. (Бастани Паризи, “Переулок с семью поворотами”).

1977. *Khamaseye Kavir*. Tehran (Iran) Nashr-e elm. (Бастани Паризи, “Эпос Пустыни”).

2011. *Khezaran sale ensan*. Tehran (Iran) Entesharat-e Etelaat (Бастани Паризи, “Тысячи лет человечеству”).

Rumi 2010. Vol. 3, verse 3901.

Tirgan Iranian Culture Festival, Toronto, Canada – 2011 “Visions of Eternity”. Organized by the Iranian Canadian Centre for Art and Culture. URL: <http://tirgan.ca/festival/about-tirgan>

Trompf, G., Morteza, H. (eds.). 1994. *Mehregan in Sydney: Proceedings of the Seminar in Persian Studies During the Mehregan Persian Cultural Festival*. Sydney, Australia, 28 October–6 November.